

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Наталья Георгиевна Рудина

П.-Ж. БЕРАНЖЕ

в ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ФРАНЦИИ

в 1814—1830 гг.

Французский ежегодник 1963

М.: Наука. 1964. С.264-278

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

1814 г. с возвращением Бурбонов Франция оказалась перед угрозой утраты всех завоеваний революции. Среди тех, кто сразу понял опасность и встал на их защиту, был поэт Пьер-Жан Беранже. Сатирические песни Беранже против дворян-эмигрантов, церковников, всех приверженцев старой феодально-католической Франции принесли их автору славу одного из самых опасных врагов Реставрации. Легкая, остроумная беранжеровская поэзия во многом перекликалась с брошюрами, памфлетами тех лет, с произведениями чисто политического характера¹. Оппозиционная газета «*Minerve*», другие либеральные издания считали за честь предоставлять Беранже свои страницы².

Идеи беранжеровских песен настолько соответствовали народному мироощущению, что в течение нескольких лет поэту удалось завоевать в демократической среде не только литературную известность, но и авторитет защитника народных интересов.

На протяжении 20-х годов, по мере того как режим Реставрации приобретает все более реакционный характер, сатира Беранже становится все острее и непримиримее. Расширяется круг ее объектов, мощнее становится антиклерикальная струя, появляются прямые выпады против Бурбонов и как главный мотив звучит тема не умершей, ждущей своего часа революции.

Современники Беранже — друзья и враги поэта, историки и литературоведы более позднего времени — все они единодушны в признании той роли, которую сыграла поэзия Беранже в борьбе с Реставрацией, в подготовке Июльской революции 1830 г. «Песни Беранже были патронами, которыми стрелял народ в дни Июльской революции». — эта фраза Ламартина стала общим местом большинства работ о Беранже. Однако, по справедливому замечанию А. Сеше, «о произведениях этого поэта нельзя

¹ См. Н. Рудина. О некоторых особенностях реалистического метода Беранже «Ученые записки Великолукского пед. ин-та, Кафедра русской и зарубежной литературы», 1960, вып. II.

² Так, например, в органе либеральной партии «*Correspondant*» между списками избирателей и агитационными статьями были напечатаны песни «*Le ventru ou compe- te rendu de la session de 1818*», «*Le ventru aux elections de 1819*». В 1819 г. редакция только что созданной газеты «*Minerve*», обращаясь к Беранже с просьбой о сотрудничестве, писала: «Многие подписчики «*Minerve*» жалуется, что мы пренебрегаем поэзией и, в особенности, редко даем им Ваши песни». P.-J. B é r a n g e r. *Correspondance*, t. I. Paris, 1860, p. 213. (Далее: *Correspondance*).

говорить, игнорируя его качества как человека и гражданина: связь здесь неразрывна»³. Между тем, отдавая должное Беранже — политическому поэту, исследователи обычно упускают из виду, что к свержению режима Бурбонов была направлена не только его творческая, но и непосредственно политическая деятельность, особенно интенсивная в 20-е годы. Изучение сохранившихся писем поэта дает возможность частично заполнить этот пробел в беранжеряне.

Изданные в 1860 г. другом Беранже Полем Буато, появившиеся позднее в виде отдельных публикаций, письма Беранже и поныне остаются наименее изученной частью его литературного наследия⁴. Ученые, анализировавшие переписку поэта (Сен-Бев, Ж. Травер, П. Стапфер, советский литературовед Н. А. Славятинский)⁵, сосредоточивали свое внимание главным образом на эстетических взглядах Беранже 30—40-х годов и пренебрегали его более ранними письмами. Так, Сен-Бев, посвятивший переписке поэта статью в серии «Новые понедельникники», прямо отмечал, что письма Беранже эпохи Реставрации, по его мнению, не представляют интереса и поэтому он считает возможным вовсе опустить их анализ⁶.

Именно к этой части эпистолярного наследия Беранже, относящейся к периоду расцвета сатирического таланта песенника и становления его социально-политических и эстетических взглядов, мы обращаемся в данной статье. На материале писем 1814—1830 гг. мы попытаемся проследить непосредственное участие поэта в общественно-политической жизни Франции этого времени.

Широкое оппозиционное движение, которое вызвала к жизни Реставрация Бурбонов, выражало несогласие новой буржуазно-демократической Франции вернуться к старым порядкам Франции дореволюционной. На протяжении 1814—1830 гг. это движение прошло через различные этапы и выливалось в различные формы. Оно давало себя знать в избирательной борьбе и бурных парламентских дебатах, в ожесточенной газетной полемике и в поэзии, в героических республиканских выступлениях 1820—1822 гг. и, наконец, в том всенародном негодовании, которое привело к Июльским дням 1830 г.

Письма Беранже, дополняя многочисленные свидетельства современников, его «Биографию», значительно расширяют прежние представления об участии и роли в этом движении знаменитого поэта-песенника. Они помогают разобраться в тех связях и противоречиях, которые существовали между Беранже и политическими партиями эпохи Реставрации.

* * *

Как известно, Беранже не состоял в тайных организациях, но к легальным обществам оппозиции относился весьма положительно и сам принимал участие в деятельности наиболее влиятельных из них: «Amis de la

³ A. Séché. Sur Béranger. В кн.: P.-J. Béranger. Chansons choisies. Paris, s. d., p. II.

⁴ В русском переводе письма Беранже были впервые представлены в 1934 г. (Пьер-Жан Беранже. Полное собрание песен, т. 1—2. «Academia», 1934). В это издание вошло 135 писем Беранже, извлеченных из собрания Буато (переводы Н. Славятинского). Автографы неизвестных писем Беранже, хранящихся в частных коллекциях, и поныне довольно часто появляются на книжном рынке как во Франции, так и в других странах.

⁵ J. Travers. Béranger, littérateur et critique d'après sa correspondance. «Mémoires de l'Académie des Sciences, Arts et Belles-Lettres de Caen», 1861, p. 347—416; P. Stapfer. La correspondance littéraire de Béranger. «Bibliothèque Universelle et Revue Suisse», 1872, N 43, p. 385—414; Н. А. Славятинский. Из истории рабочего поэзии на Западе (канд. дисс.). 1945 (машинопись).

⁶ Saint-Beuve. Correspondance de Béranger. Nouveaux Lundis, 1870, t. 1, p. 165—258. Заметки Сен-Бева, сделанные им на полях 4-томного издания писем Беранже (Correspondance de Béranger, annotée par Saint-Beuve), были опубликованы в 1909—1910 гг. журналом «Revue d'histoire littéraire», 1909, t. 16, p. 371—393, 591—616.

presse», «Aide-toi et le ciel t'aidera». Один из первых биографов поэта отмечал, что Беранже «был в числе наиболее влиятельных и авторитетных распорядителей в обществе «Amis de la presse»⁷. Переписка Беранже довольно полно отражает характер и масштабы его участия в обществе «Aide-toi», задачей которого была организация предвыборных кампаний, завоевание голосов в пользу либеральных депутатов⁸. В ряде писем поэта к его другу Кадэ де Гассикуру⁹, исполнявшему обязанности секретаря общества «Aide-toi», к некоторым другим корреспондентам содержится целый ряд конкретных советов и рекомендаций, которые дает Беранже в связи с выборами. Так, в письме к Восьеру, песеннику и общественному деятелю, Беранже обращается с просьбой поддержать на выборах 1827 г. кандидатуру некоего Риньи, «человека чести, твердого и наших принципов»¹⁰. В другом письме он настаивает на выдвижении Лафайетта: это подчеркнуло бы несогласие избирателей с роспуском Карлом X национальной гвардии¹¹.

Но особенно активной была роль Беранже в предвыборной кампании 1830 г., проходившей в напряженной обстановке назревающей революции. 16 мая 1830 г. была распущена Палата депутатов, вызвавшая большинством голосов несогласие с реакционным курсом Полиньяка. Новые выборы, подтвердив существование прочной и широкой антиправительственной оппозиции, должны были явиться своего рода демонстрацией против Карла X и его министров.

Относящиеся к этому времени письма Беранже носят чисто деловой характер. Он ведет переговоры непосредственно с кандидатами, с либеральными лидерами, участвует в создании блоков, дает рекомендации, принимает «донесения» и т. п.¹² Он возмущается легкомыслием «великих политиков», которые сочли возможным покинуть столицу и удалиться на отдых в такое напряженное время¹³. Сам поэт в конце выборов «так перегружен делами», что не находит времени ответить даже Руже де Лиллю, которого трогательно опекал в течение ряда лет¹⁴.

Интересно, что, участвуя вместе с либералами в работе «Aide-toi», Беранже не ограничивался только «выборными» вопросами: он пытался влиять на политический курс этой организации, на ее общественную ориентацию. Он мыслил себе «Aide-toi» как подлинный орган народного мнения и считал необходимым залогом успешной деятельности общества более демократическую его основу. В разгар избирательной кампании 1827 г., делясь своими соображениями с Кадэ де Гассикуром, Беранже писал: «Я не перестану повторять, что среди вас недостаточно лавочников. Дезаристократизируйтесь же немного (*desaristocratisez-vous un peu*), если это возможно. Этот совет в ваших интересах так же, как и в интересах нации»¹⁵.

⁷ P. Voiteau. *Vie de Béranger*. Paris, 1861, p. 121.

⁸ Общество «Aide-toi et le ciel t'aidera» было создано в 1827 г. на основе существовавшего прежде общества «Amis de la presse». Поначалу в него входили главным образом «доктринеры» — представители наиболее умеренного крыла либералов; впоследствии оно объединило различные течения оппозиции, приняв в свой состав также многих бывших карбонариев и республиканцев. Подробнее о деятельности этого общества см. Thureau-Dangin. *Le parti libéral sous la Restauration*. Paris, 1876, p. 433—435; Odillon Barrot. *Mémoires*, t. I. Paris, 1875, p. 79—86.

⁹ Cadet de Gassicourt, Felix (1789—1861) — фармаколог и общественный деятель 20—30-х годов. Подробнее о нем см. Germain Sarrut. *Biographie des hommes du jour*. Paris, [1839], t. IV, partie II, p. 369—384.

¹⁰ Correspondance, t. I, p. 303.

¹¹ Ibid., p. 304.

¹² См. письма Гассикуру от 27 мая 1830 г., от 29 мая 1830 г. и др.

¹³ См. Correspondance, t. I, p. 383.

¹⁴ Ibid., p. 413. В «Переписку» включено 22 письма Беранже к Руже де Лиллю.

Поэт относился к автору «Марсельезы» исключительно сердечно, очень огорчался его неудачами, стремился морально и материально помочь ему.

¹⁵ Correspondance, t. I, p. 302.

Впоследствии, высоко оценивая значение «Aide-toi», Беранже отмечал большие заслуги общества в деле свержения Бурбонов¹⁶.

Талант Беранже, его ум и дальновидность в политических вопросах снискали ему глубокое уважение в либеральном лагере¹⁷. С советами Беранже, с его мнением считались не только рядовые участники оппозиции, но и ее вожди. Эрнест Легуве, поэт-песенник, писал в своих мемуарах: «Трудно представить себе сегодня роль Беранже в эту эпоху. Он был великим советником своего времени. Никто не имел большего влияния на своих современников. Самые выдающиеся люди того времени — Манюэль, Б. Констан, Лаффит, Тьер — не предпринимали ничего, не посоветовавшись с Беранже»¹⁸.

Целый ряд писем дает представление об авторитете Беранже среди либеральных лидеров. Характерно, например, признание одного из них — Дюпона (де Лёр). Сомневаясь, стоит ли ему соглашаться на предлагаемую официальную должность в кассационном суде, Дюпон уверяет Беранже: «Я не приму окончательного решения, пока не посоветуюсь с некоторыми друзьями, во главе которых сердце мое по обыкновению ставит вас»¹⁹.

В дружеском письме к Шатлену, редактору «*Courrier français*», Беранже рекомендует ему проявить осторожность и такт в освещении истории незаслуженно оклеветанного Фавье, участника национально-освободительной борьбы греческого народа. Поспешность могла бы здесь повредить и Фавье и их общему делу²⁰. Тон письма дает основания полагать, что редактор одной из самых влиятельных либеральных газет привык считаться с мнением песенника.

Внимательно прислушивается к советам Беранже и такой видный журналист оппозиционного лагеря, как Кошуа-Лемер, в судьбе которого Беранже принимает живейшее участие²¹. Просматривая присылаемые на его суд политические статьи Кошуа-Лемера, Беранже всегда очень трезво оценивает те политические последствия, к которым может привести излишняя горячность их автора. Характерно, как настоятельно он уговаривает Кошуа-Лемера забрать полемическое письмо, посланное в «*Globe*»: «Эта газета имеет дело с ограниченным кругом читателей... у нее почти нет политического резонанса», — между тем письмо компрометирует редактора «*Globe*» и его газету. «Мы не в том положении, — объясняет Беранже, — да и характер у нас не тот, чтобы восстаивать всех против себя: достаточно господ прокуроров, судей, господ таких-то и таких-то и проч. и проч.»²²

Конкретизируя представления о роли поэта в оппозиционном движении, переписка Беранже раскрывает и ту борьбу, которую приходилось ему вести внутри самой оппозиции.

Как справедливо отмечает А. И. Молок, «демократическое движение того времени было почти слито с либерально-буржуазной оппозицией, еще не обособилось от нее, не приобрело последовательно-республиканского

¹⁶ П.-Ж. Беранже. Моя биография. Сочинения. М., 1957, стр. 578. Все цитаты из «Моей биографии» в дальнейшем даются по этому изданию.

¹⁷ Для того влияния, которым пользовался Беранже в политических кругах оппозиции, весьма показательны одно из писем, относящееся к августу 1824 г. Узнав о желании либерального литератора Дюбуа баллотироваться в Палату депутатов, Беранже сетует, что выяснил это слишком поздно: «Мы могли бы так легко провести его в Высочайшее Собрание... Как из любви к общественным делам, так и из чувства дружбы, я готов сделать, что угодно, чтобы завоевать голоса в пользу Дюбуа». *Correspondance*, t. I, p. 261—262.

¹⁸ E. Legouvé. *Soixante ans de souvenirs*. Paris, [1888], t. I, p. 219.

¹⁹ *Correspondance*, t. I, p. 335.

²⁰ *Ibid.*, p. 305.

²¹ *Ibid.*, p. 307—308, 349—352.

²² *Ibid.*, p. 294.

характера»²³. Общие задачи борьбы с Реставрацией более или менее объединяли весь антиправительственный лагерь. В этом лагере, представлявшем собой пестрый конгломерат очень различных принципов, взглядов, характеров, имущественных и классовых положений, Беранже тяготел к наиболее левому крылу. Демократизм Беранже приводил его к постоянным столкновениям с лидерами либеральной партии. Об этом поэт не раз вспоминал на страницах своей «Биографии». Но, видимо, не желая дробить силы перед лицом общего врага, Беранже в песнях не выступал против вождей либеральной партии²⁴.

Справедливо полагая, что единство между Беранже и либералами было чисто внешним, «тактическим»²⁵, исследователи жизни и творчества Беранже обычно не замечают, что в своей непосредственно политической деятельности поэт смело и неслыханно отстаивал собственную линию.

Расхождения между Беранже и либералами намечались с самого начала существования либеральной партии²⁶. Особенно существенными они становятся в конце 20-х годов, когда либералы в страхе перед революционной ситуацией проявляют трусость и непоследовательность в своей политике. Необходимость разрыва с либералами становится для Беранже окончательно очевидной в 1828 г., с приходом к власти Мартиньяка. Министерство Мартиньяка отличалось относительной умеренностью, и вожди либеральной партии, придерживаясь тактики «слияния» (*fusion*), пытались войти в сговор с правительством, выработать какую-то среднюю линию²⁷. Беранже выступал противником подобных действий, справедливо полагая, что «слияние» сбивало с толку общественное мнение и могло послужить укреплению принципов легитимизма»²⁸.

В этом плане весьма характерна та позиция, которую занял Беранже в на шумевшем деле аббата Прада. Депутат левой, Прад в 1828 г. сложил свои депутатские полномочия в знак протеста против вялой и компромиссной политики своей партии. Решение Прада встретило полное понимание и сочувствие Беранже.

Открытому разрыву Прада с либералами, прадовскому письму в «*Courrier*», где он мотивировал причины своего поступка²⁹, поэт придает большое значение: «Все сторонники примирения осуждают его (Прада.— *H. P.*), но все, кто остался верен принципам, кто страдает, видя путь, который избрали интриганы — главари в Палате, хотя полностью и не одобряют его отставки, выражают аббату признательность за его прощальное

²³ А. И. Молок. Политическая обстановка во Франции накануне Июльской революции 1830 года. «Новая и новейшая история», 1960, № 6, стр. 74.

²⁴ «Многие из этих господ,— вспоминает Беранже,— благодарили меня за помощь, оказанную им мною. Не благодарите меня за песни, которые я сложил против ваших противников,— отвечал я,— а благодарите за те, которые я не сложил против вас. И знает бог, сколько между этими песнями было бы хороших и как часто я обдумывал их! За них, я полагаю, правительство легко простило бы мне все остальное». П.-Ж. Беранже. Моя биография. Сочинения, стр. 567.

²⁵ См. Ю. И. Данилину. Беранже и его песни. М., 1957, стр. 103.

²⁶ См. примечания Беранже к его песне «Миссионеры» и рассказ с процесса 1821 г. в «Моей биографии».

²⁷ Эрнест Додэ сообщает, например, что в кабинете Мартиньяка был уготован пост для либерального депутата Казимира Перье, и вместе с Констаном Себастьяни обсуждался еще целый ряд аналогичных проектов. При этом «никто из либералов не осмеливался преступить пределы Хартии и в своих планах не обходился без короля». E. Daudet. Le ministère de Martignac. Paris, 1875, p. 232—233.

²⁸ П.-Ж. Беранже. Моя биография. Сочинения, стр. 570.

²⁹ В письме, опубликованном 17 апреля 1828 г. в «*Courrier français*», Прад писал: «40 лет спустя... все еще занимается обсуждением цензуры — это значит очень отставать. Я чувствую себя униженным, когда другие торжествуют от подобных уступок... У меня больше честолюбия по отношению к Франции, чем у людей, которые говорят: если добьемся только того-то, сессия будет превосходной... Эта система, быть может, будет годиться для наших правнуков, но я сомневаюсь, чтобы нынешнее поколение могло бы пожать ее обильные плоды». *Correspondance*, t. I, p. 318.

письмо»³⁰. Сам поэт в их числе: «Я всячески одобряю его письмо, — пишет он Веспьеру и объясняет, почему он стал на защиту Прада. — Настоящие патриоты увидели здесь первый луч, пролившийся на покрытый мраком путь главарей»³¹. Впоследствии Беранже продолжает с интересом следить за новыми трудами Прада, переписывается с ним, одобряет его идеи и ту смелость, с какой он их отстаивает³².

Разрыв Прада с либералами еще раз убеждает песенника в том, что нужно «держаться подальше от главарей, чтобы вести за собой тех, кто движется, и осуждать тех, кто лишь имитирует движение или движется вперед только затем, чтобы потом отступить»³³. «Сколько раз, — вспоминает поэт, — принужден я был бороться с вождами либеральной партии, — людьми, которые хотели меня взять под свою опеку, чтобы заставить действовать в духе их рабских комбинаций»³⁴.

Одной из таких комбинаций была, в частности, попытка либералов помешать выходу нового беранжеровского сборника (1828), в который вошли песни «Le vieux Drapeau», «L'ange-gardien», «Les infiniment petits», «Le Sacre de Charle le Simple». В свете политики «слияния» опубликование этих песен оказывалось невыгодным не только для прямых врагов поэта, но и для его недавних друзей по оппозиции. Рецензент «Globe» прямо писал, что новые произведения Беранже соответствуют уже прошедшей эпохе, но вовсе не к месту теперь, «когда выглянуло солнце»³⁵. То же мнение разделяла и газета «Constitutionnel»: «Чувства, выраженные в некоторых из последних песен Беранже, оказываются в противоречии с надеждами или, если хотите, с удовлетворенностью нынешним днем»³⁶. «Однако, — вспоминал позднее Беранже, — чем настойчивее проповедовали мне молчание, тем острее чувствовал я необходимость прервать его, по-своему протестуя против «слияния»»³⁷.

Письма Беранже сохранили интереснейшую предысторию судебного процесса, последовавшего вслед за напечатанием сборника 1828 г.

Предвидя неминуемые репрессии, поэт, тем не менее, упорно добивался публикации новых песен и смело готовился встретить суд. Когда банкир Лаффит, друг Беранже и один из лидеров оппозиции, постарался предотвратить готовящуюся судебную расправу и уладить его дело, Беранже категорически отказался от такого компромисса с властями. Долг и честь поэта подсказывают ему иную позицию. Беранже настаивает на открытом процессе. Человек уже немолодой, часто болеющий (сколько раз жалуется он в письмах на слабое здоровье!), поэт не хочет принимать никаких уступок от правительства. «...Меня толкает на это не желание скандала и шума, — объясняет он Лаффиту. — Речь идет о том, чтобы провозгласить нужные идеи и с мужеством их защищать». И далее: «Если власти делают уступку, отказываясь от судебного разбирательства, то и обвиняемый идет на уступку, отказываясь от процесса, который мог бы эти власти оскорбить. Предположите на один момент, что вы — это публика, и спросите себя, не искали ли бы вы, видя подобную игру, ее скрытых пружин, не отняло ли бы это у обвиняемого некоторой доли вашего уважения и сочувствия?»³⁸

Письмо Лаффиту поражает продуманной логикой всех возможных деталей и последствий процесса, той высокой гражданственностью, которая вдохновляет поэта на его подвиг. «Скромный песенник, приговоренный

³⁰ Correspondance, t. I, p. 314.

³¹ Ibid., p. 315.

³² См. письмо Праду от 14 марта 1829 г. и ответ Прада. Ibid., p. 362—365.

³³ Ibid., p. 363.

³⁴ П.-Ж. Беранже. Моя биография. Сочинения, стр. 558.

³⁵ «Globe», 11 octobre 1828.

³⁶ «Constitutionnel», 20 octobre 1828.

³⁷ П.-Ж. Беранже. Моя биография. Сочинения, стр. 570.

³⁸ Correspondance, t. I, p. 331.

за то, что у него нашлось мужество выйти дозорным на передние рубежи, он, однако, отважился на это лишь потому, что считал, что другие неспособны на подобный риск...», — писал Беранже Праду³⁹.

Ни тяготы тюремного режима, ни денежные затруднения, связанные со штрафом, не останавливают Беранже. «Возьмем самое худшее: меня сажают в тюрьму на долгие годы — я вправе думать, что в этом случае Франция разразится криком негодования. Пойдем дальше: я умираю в оковах. Не вправе ли я предположить, что в течение целого полувека, по крайней мере полувека, смерть моя будет оставаться кровавым упреком в адрес некоторых особ. Знаете ли вы, что это было бы самым страшным обвинением, которое можно было бы бросить Карлу X?»⁴⁰

Соглашаясь на печатание сборника, а затем настаивая на процессе, Беранже предвидит возмущение, которое вызовет его решимость в либеральном лагере. Совсем недавно в истории Прада либералы доказали, сколь нетерпимы они к проявлениям смелости и независимости. Естественно, что поэту не приходится рассчитывать на их поддержку и участие. Впрочем, еще в апреле 1828 г. Беранже писал, что «привык бороться один против шайки салонных политиков»⁴¹. И в другом письме несколько месяцев спустя: «Я умею шагать и один»⁴².

Предположения Беранже вскоре действительно подтвердились. Редакция либеральной газеты «*Constitutionnel*» вынесла, например, специальное решение отказать невольному поэту в поддержке. «Что касается друзей, то среди них фигуры незначительные — великолены, и я не ожидал, что смогу внушить такой живой интерес; мог же великие друзья оказались друзьями не лучшими, но этого-то я ждал», — признавался поэт в письме к г-же Лебрен 24 октября 1828 г.⁴³ Месяц спустя, после того как было возбуждено его дело, Беранже резюмировал: «Покладать нынче модно», и эта фраза стала горьким лейтмотивом его писем конца 1828 — начала 1829 г.⁴⁴ В то же время многочисленные выражения солидарности утверждали Беранже в правильности выбранной им позиции.

В 1829 году, непосредственно после процесса, песенник Жерар выпустил «Поэтический венок Беранже» — сборник поэтических произведений, посвященных Беранже⁴⁵. Какой еще поэт мог при жизни похвалиться таким свидетельством народного признания! В сборник вошло 49 стихотворений, среди авторов которых Марселина Деборд-Вальмор и Дебро, и неизвестные начинающие поэты, приславшие свои произведения из Руана и Меца, Марселя и Пуатье. Очень разные по стилю, по художественному уровню, их стихи, дополняя друг друга, создают образ любимого народом певца. «Наш Беранже» — называют его многие авторы. Герой сборника близок и дорог настоящим французам, им необходимы его песни, они верят в его твердость и мужество, в его победу, они сумеют его уберечь от врагов, таковы основные мотивы стихотворений, посвященных Беранже. В некоторых из них — прямое признание Беранже вождем демократической Франции: «Защитники Франции, объединитесь вокруг Беранже!» — призывает в рефрене Дюплан, автор песни «*Cri d'alliance*». «Верните нам нашего Беранже», «Нам очень нужна беранжеровская муза», — вторят другие поэты.

³⁹ Любопытно, что в «Биографии» выход сборника 1821 г. Беранже также сравнивает с «выстрелом передового дозорного», необходимым, чтобы разбудить либеральный лагерь. П.-Ж. Беранже. Моя биография. Сочинения, стр. 562.

⁴⁰ Correspondance, t. I, p. 332.

⁴¹ Ibid., p. 315.

⁴² Ibid., p. 321.

⁴³ «*Revue bleu*», 1913, juillet, p. 132.

⁴⁴ См. письма к Мериме от 24 октября 1828 г., к Барту от 8 ноября 1828 г., к Брюссю от 21 ноября 1828 г., к Гурго от 9 февраля 1828 г. и т. д.

⁴⁵ «*Couronne poétique de Béranger*», recueillie par Gérard. Paris, 1829.

Эта поистине всенародная поддержка, сознание важности своей гражданской миссии, общественной пользы, которую он приносит, давали Беранже силы перенести предательство людей, считавшихся его единомышленниками⁴⁶. Приговоренный к девятимесячному тюремному заключению и десяти тысячам франков штрафа, он писал Праду: «...Песенник должен смело шагать впереди. Как бы хорошо он ни знал приличия, многими из них он должен пренебречь, чтобы служить делу, которое он защищает. Нужно, чтобы он, дозорный, поставленный впереди всех, примирился с участью быть дозорным, оставленным всеми⁴⁷. Он должен к тому же без досады смотреть, как люди, которые его прекрасно знают, не всегда отвечают на его поклоны, он должен ожидать даже, что если он упадет, не один друг бросит в него камень»⁴⁸.

Твердость и мужество не изменили Беранже и в тюрьме. В песне «Le feu du prisonnier» он писал:

Напрасно шепчут мне: «Согни колена —
И мы тюрьму отворим; будь умен...» —

в заключении поэт оставался по-прежнему верен себе⁴⁹.

Мысль о том, чтобы использовать приговор как обвинение против своих обвинителей, и здесь не оставляла Беранже. С большим трудом друзья добиваются от поэта разрешения на гравировку его портрета. После долгих уговоров Беранже соглашается, но при одном условии: его лицо будет дано на фоне тюремной решетки. «Я вижу только одно средство примирить наши интересы — сделать из моего портрета эпиграмму», — пишет он Шеффёру⁵⁰.

Во время пребывания в тюрьме общественная деятельность Беранже не прекращается. Узника по-прежнему волнует судьба обездоленных, немощных, участь которых он стремится облегчить⁵¹. Судя по письмам, Беранже регулярно читает антиправительственные газеты «Globe» и «Courrier». Он, как и прежде, в курсе всех политических новостей, много работает и сохраняет свою роль в оппозиционном движении.

Опальный поэт не только не соглашается принимать какие-либо уступки властей, но и продолжает энергично выступать против сторонников «слияния». В этом плане весьма примечательна полемика томящегося в тюрьме Беранже с Бенжаменом Констаном. К сожалению, письма Беранже к Констану, насколько нам известно, никогда не публиковались. В «Переписку» включен ответ Констана на одно из адресованных ему беранже-ровских писем. Констан разбирает здесь письмо Беранже «фразу за фразой», что дает возможность довольно ясно представить суть претензий поэта к главе либеральной партии.

Пытаясь оправдаться, Констан возражает Беранже, который упрекал его в забвении принципов революции 1789 г. и считал подоплекой осущест-

⁴⁶ Сила общественного мнения была настолько велика, что перед ней вынуждены были отступить даже либералы, прежде отвернувшиеся от Беранже. «Обманувшись в своих расчетах, — писал поэт, — они посетили меня в Ла Форс». П.-Ж. Беранже. Моя биография. Сочинения, стр. 571.

⁴⁷ Трудно переводимая игра слов. «Enfant perdu, il faut qu'il se resigne à être quelquefois enfant abandonné».

⁴⁸ Correspondance, t. I, p. 364.

⁴⁹ Перед самым процессом Дюпон (де Лёр) восхищался беранже-ровской принципиальностью и постоянством, с которым он следует намеченной линии, а 15 марта 1829 г., после того как Беранже провел в тюрьме уже несколько месяцев, аббат Прад, вторя Дюпону, заверял: «Во всем, что касается ума и души, вы безупречны». Correspondance, p. 334, 365.

⁵⁰ Письмо к брату художника Шеффёра Арнольду от 5 мая 1829 г. «La Grande Revue», 1901, v. 16, N 2, p. 273—274.

⁵¹ См. письмо Лаффиту от 31 марта 1829 г. и др. Чешский ученый Фишер, автор интересного и обстоятельного исследования о Беранже, справедливо полагает, что именно общением с другими заключенными были навеяны Беранже такие песни, как «Le vieux vagabond». Jan O. Fischer. P.-J. de Béranger. Berlin, [1960], p. 97.

ствляемой Констаном политики «слияния» его честолюбие, желание добиться для себя министерского портфеля. Разбирая статьи Констана в «Courrier», Беранже, видимо, весьма резко и прямо критиковал либерального лидера за стремление к славе, популярности, внешним эффектам, за политику уверток и мелких интриг.

Демагогия, карьеризм вожаков либеральной партии, узость задач, которые они ставят,— все это отталкивало поэта от сотрудничества с либералами. Снова и снова он убеждался, что «депутаты испытывают страх перед необходимостью порвать с министерством»⁵², неспособны пойти на решительные, радикальные перемены в общественном устройстве.

Все чаще в его письмах начинает встречаться полупрезрительное словечко «meneurs» — главари, заправили по отношению к либеральным вождям⁵³, которых он именуется «шайкой салонных политиков» и наделяет весьма не лестными эпитетами. В рассказе Беранже о его беседе с Прадом либералы фигурируют как «заправили и дураки, лицемеры и мелкие калькуляторы», «интриганы» и т. д. Поэт констатирует глубокий упадок левых, которых «целиком захватили мелкие интересы и мелкие страсти»⁵⁴.

По мере все возрастающего неверия в либеральную партию Беранже все меньше надежд возлагает на парламентские средства борьбы. Так, собравшись было подать в Палату депутатов петицию об отмене «исключительного закона» о печати, Беранже отказывается от этой идеи: поэт опасается, что у левых депутатов, многие из которых способны изменить свою позицию даже посреди дискуссии, не хватит ни последовательности, ни смелости эту петицию поддержать⁵⁵.

Там, где либералы останавливались на полпути, Беранже готов был идти до решительного конца. Он стремился вывести движение за рамки узкополитических требований, придать ему подлинно народный размах. Народный поэт, он понимал, что чем шире будет платформа борьбы с Реставрацией, тем больше шансов на скорейшую победу. Принципиальные разногласия между Беранже и «шайкой салонных политиков» как раз и заключались в различном отношении к народу и его революционным потенциям. «Люди бескорыстные, причастные к политическому движению,— писал поэт,— нуждаются в вере в народ: вера эта никогда меня не покидала»⁵⁶.

Выступая в своем творчестве выразителем народных интересов, Беранже всегда стремился разбудить общественное сознание, раскрыть народу политические истины, приобщить к общественной жизни широкие народные массы. Этих же принципов придерживался Беранже и в качестве общественного деятеля.

Организуя подписку на памятник Манюэлю, он обращается за поддержкой в различные департаменты. Своему «уполномоченному» в Оверни — Весьеру — Беранже объясняет: «Речь идет не столько о величине подписной суммы, сколько о большом числе подписчиков». Подписку на памятник он рассматривает как «патриотический акт» и в этом смысле придает ей большое значение: «Исходя из общих интересов не следует пренебрегать ни одной из возможностей проявления общественного мнения»⁵⁷.

В конце 20-х годов, с усилением реакции, в особенности с приходом к власти министерства Полиньяка (8 августа 1829 г.), оппозиционное дви-

⁵² Correspondance, t. I, p. 354.

⁵³ См. *ibid.*, p. 302, 315, 363.

⁵⁴ Письмо Весьеру от 29 апреля 1828 г. *Ibid.*, p. 314—316.

⁵⁵ См. письмо от 22 марта 1829 г. *Ibid.*, p. 367—368.

⁵⁶ П.-Ж. Беранже. Моя биография. Сочинения, стр. 558.

⁵⁷ Correspondance, t. I, p. 299—300.

жение поднимается на новую ступень. Один из либеральных лидеров, О. Барро, писал: «Теперь подталкиваем не мы. Наоборот, нас самих подталкивает стихийное движение умов...»⁵⁸.

Начинались открытые выступления против правительства. «...Демонстрации, приводившие к уличным столкновениям с полицией и жандармерией и сопровождавшиеся даже постройкой и защитой баррикад, были доказательством пробуждения в демократических слоях городского населения революционной стихии, которая шла уже дальше простой поддержки либеральной партии и заставляла предчувствовать близкий революционный взрыв»⁵⁹. Песни Беранже, созданные в эти годы, как всегда, чутко реагировали на настроение демократических масс. Прямым призывом к свержению Бурбонов отмечены беранжеровские произведения, написанные в тюрьме. «Моя масленица в 1829 году», «100 000 франков», «14 июля» — это революционный вызов, брошенный поэтом в лицо Карлу X, и образ натянутой тетивы прекрасно передает ту атмосферу неминуемых столкновений, тот «мятежный дух», которым жила в эти месяцы народная Франция.

Беранже разделяет возросший в это время интерес к революции 1789 г. В тюрьме он знакомится с только что изданными мемуарами члена Конвента Левассера⁶⁰, работает над песней «14 июля», посвященной годовщине взятия Бастилии. Интересно, что эта песня, выдержанная в жанре оды, отличается от других беранжеровских произведений этого жанра значительно большей конкретностью. Беранже обращается здесь к лозунгам революции, и воспоминание о разрушении Бастилии приобретает совершенно определенный смысл при сопоставлении с той тюрьмой, в которой томится поэт сорок лет спустя.

Несмотря на явное нарастание революционной ситуации, буржуазные либералы продолжали в своем большинстве отрицать необходимость революционных методов борьбы, полагая, что «законы и дух великого народа способны оказать более сильное сопротивление абсолютизму, чем восстание»⁶¹.

По мере того как либеральная партия отдалялась от народа, Беранже все дальше уходил от буржуазных либералов и сближался с представителями наиболее передовых общественных течений эпохи — с республиканской молодежью.

Республиканское движение, подавленное после разгрома карбонариев в начале 20-х годов, в последние годы этого десятилетия вновь стало собираться с силами. «В отличие от конституционалистов — роялистов и умеренных либералов, продолжавших надеяться на мирный исход конфликта между министерством и оппозицией, демократы и республиканцы готовились к решительной борьбе с правительством»⁶². Республиканские идеи завоевывали широкие массы. Префекты доносили в своих рапортах, что «простой народ решительно не обнаруживает никакой склонности к монархии»⁶³.

⁵⁸ Odillon Barrot. Op. cit., t. I, p. 88.

⁵⁹ В. А. Бутенко. Социальный состав либеральной оппозиции во Франции в эпоху Реставрации. Сб. «Из далекого и близкого прошлого». Пгрд — М., 1923, стр. 278.

⁶⁰ René Levasseur (1747—1834) — член Конвента, якобинец. Воспоминания Левассера, видимо, записанные с его слов, были напечатаны журналистом Ашилом Рошем, который был за эту публикацию посажен в тюрьму. См.: Ж. Вейль. История республиканской партии во Франции, б. д., стр. 33. Среди писем Беранже сохранилась записка поэта Монтандону, секретарю Лаффита, с просьбой оказать помощь очень нуждающемуся сыну Левассера (см. Correspondance, t. I, p. 296).

⁶¹ «Le Constitutionnel». Цит. по указ. статье А. И. Молока, стр. 76.

⁶² А. И. Молок. Указ. статья, стр. 79.

⁶³ Из донесения префекта деп. Роны от 5 января 1829 г. Цит. по: В. А. Бутенко. Социальный состав либеральной оппозиции во Франции в эпоху Реставрации, стр. 8.

И в департаментах и в особенности в Париже создавались тайные революционные комитеты, активизировалась республиканская пресса. Во главе движения стояла главным образом революционно настроенная молодежь, бывшие участники карбонарских венг. Среди них были Годфруа Кавеньяк, Тест, Трела и др. О своих отношениях с этой молодежью, о своих «молодых друзьях — республиканцах» Беранже упоминает в «Биографии»⁶⁴. В одном из августовских писем 1830 г. он прямо называет себя «республиканцем» и даже «одним из вождей этой партии»⁶⁵.

Беранжеревский республиканизм этих лет не был какой-то строго продуманной теоретической системой. «Не ради доктрины, — признавался поэт, — но просто по инстинкту и по чувству, я — человек глубоко республиканского направления»⁶⁶. Правы те исследователи, которые, следуя концепции, выдвинутой еще Добролюбовым, предостерегают от попыток прямо связывать идеи песен Беранже со взглядами той или иной партии⁶⁷. Однако совершенно очевидно, что, будучи непосредственным и активным участником общественно-политической жизни, Беранже не мог не тяготеть к той или иной из тогдашних партий. Хотя он не был «человеком партии», «инстинкт и чувство» роднили его с той частью оппозиции, которая была наиболее непримирима по отношению к старому и потому наиболее близка народу. Политическое единение, которое существовало накануне революции 1830 г. между Беранже и самой передовой партией его времени — республиканцами, представляется нам бесспорным.

Характер деятельности Беранже-республиканца, его участие в республиканском движении перед революцией 1830 г. оставались до сих пор невыясненными. Печатные источники, относящиеся к истории республиканского движения в 20-е годы, крайне скудны и не дают никаких сведений об участии в нем Беранже. Ценнейшим материалом по интересующему нас вопросу вновь оказываются письма поэта.

Среди людей, окружавших Беранже в 20-е годы, Жюль Жанен называет Кавеньяка, Трела, Манюэля, Фонтана, Гинара, Марраста⁶⁸. Переписка подтверждает личные связи Беранже с вожаками республиканской молодежи. Среди писем сохранилась, например, записка Бастиду и Тома — членам республиканского общества «*Francs-parleurs*» с обращением: «дорогие друзья»⁶⁹. В тюрьме Беранже навещал Тест, один из тогдашних теоретиков республиканизма, ученик и последователь Буонаротти⁷⁰. Позднее поэт признавался, что на протяжении ряда лет «с неизменным интересом и сочувствием следил за развитием идей Трела»⁷¹, одного из основателей и руководителей карбонарского движения. Среди постоянных корреспондентов Беранже был Весьер, редактор выходившей в Клермон-Ферране газеты

⁶⁴ «Если смерть Манюэля и не прервала моих сношений с предводителями либеральной партии..., то все же она вызвала во мне огромную потребность стать ближе к молодежи, благородные и широкие идеи которой гораздо более согласовались с моими взглядами и чувствами». И в другом месте: «Зная, таким образом, настоящую цену большей части наших трибунов, я жил и общался с ним только из чувства долга. Иначе я относился к молодежи, толпившейся вокруг меня. Я обязан ей многими прекрасными надеждами, и не все они были обмануты...» П.-Ж. Беранже. Моя биография. Сочинения, стр. 567.

⁶⁵ Correspondance, t. II, p. 7.

⁶⁶ П.-Ж. Беранже. Моя биография. Сочинения, стр. 522.

⁶⁷ См. J. O. Fischer. Op. cit., p. 158—164. См. также его статью «Politique et poésie au XIX siècle (Le cas de Béranger)». «Pensée». P., 1961, mars — avril, N 96, p. 68—77.

⁶⁸ Jules Janin. Béranger et son temps, t. I. Paris, 1866, p. 99.

⁶⁹ Correspondance, t. I, p. 266. Сама по себе записка носит чисто деловой характер. Беранже просит Бастида и Тома, занимавшихся торговлей лесом, прислать ему дров.

⁷⁰ См. Correspondance, t. I, p. 386. В 20-е годы Тест занимался книготорговлей. Его книжный магазин, где часто собирались единомышленники Теста, носил среди них название «Petite Jacobinière» («Якобиньерка»).

⁷¹ Correspondance, t. II, p. 118.

«L'ami de la Charte», которую комментатор беранжеровских писем Буато (несмотря на название!) считает «республиканской»⁷².

Судя по письмам, Беранже был не только идейным вдохновителем республиканской оппозиции, но и принимал активное участие в ее повседневных делах. Поэт дает оценку событий, делится своими соображениями, подсказывает линию поведения в тех или иных политических вопросах. Любопытно, например, что обстоятельное изложение дела Прада и всесторонняя его оценка были даны Беранже в ответ на «запрос», который поступил из Оверни⁷³. Видимо, авторитет Беранже — политического советника — был весьма велик. В письмах Беранже второй половины 1829 — первой половины 1830 г. поэт категорически отделяет свою политику, политику своих молодых друзей от действий либералов. «Мы» — «господа сторонники слияния»⁷⁴, такое противопоставление красной нитью проходит через его переписку этого периода. Лишь в отдельных случаях он считает тактически выгодным и возможным использовать выступления либералов для достижения отдельных частных целей⁷⁵.

Многие идеи, высказанные в письмах Беранже, непосредственно перекликаются с современной ему республиканской прессой. Так, сравнение писем Беранже, написанных после прихода к власти Полиньяка, и статей в наиболее влиятельной республиканской газете этого времени «Tribune des départements» свидетельствует о полном единомыслии поэта и газеты в ряде политических вопросов и прежде всего в понимании недопустимости дальнейших компромиссов, уступок и ожиданий.

И «Tribune», и Беранже видят в деятельности либералов пустое тщеславие, жажду власти и попрание подлинных интересов нации. «Tribune» пронизывает над «салонной болтовней», вовсе не являющейся отражением общественного мнения. «Франция, — пишет газета, — слишком часто вводилась в заблуждение людьми, которые рассматривали скамьи оппозиции лишь как ступеньки министерской лестницы»⁷⁶. Беранже еще во время своего процесса пришел к убеждению, что «шайка салонных политиков» движима лишь «расчетом узкого и слепого тщеславия»⁷⁷, а 24 августа 1829 г., после прихода к власти Полиньяка, он писал Гассикуру: «Все за городом. Можешь ты себе представить, чтобы подобные обстоятельства не вызвали в Париж никого из наших великих политиков? Действительно, мы любим больше всего собственные удовольствия. Наш патриотизм не больше чем болтовня, взошедшая на почве серьезных тем»⁷⁸.

«Подлинную опасность для родины» «Tribune» видела в стремлении лидеров свести все оппозиционное движение к вопросу о персональном составе правительства⁷⁹, Беранже также считал, что «вопрос о конкретных личностях мог лишь помешать осуществлению тех принципов, ради которых он якобы поднимался»⁸⁰.

Достижение этих принципов, понимал поэт, возможно лишь при коренной, радикальной ломке существующей системы. Между тем республиканцы убеждались, что из страха перед народом буржуазные либералы никогда не решатся использовать революционную ситуацию. «Этот крик «Да здравствует свобода!»... сильно встревожил заправил либеральной

⁷² Correspondance, t. I, p. 362. По словам самого Беранже, Весьер был весьма влиятелен среди молодежи Оверни и действовал в согласии с ней. Ibid., p. 362, 302.

⁷³ См. письмо от 29 апреля 1828 г. Ibid., p. 314—318.

⁷⁴ Ibid., p. 367, 382.

⁷⁵ Так, например, по поводу незадолго до того помещенной в «Globe» статьи он пишет 24 августа 1829 г.: «Мы не сказали бы более сильно, и лучше, чтобы это было сказано этими господами, чем нами». Ibid., p. 382.

⁷⁶ A. Fabre. La Révolution de 1830, s. a., p. 90.

⁷⁷ Correspondance, t. I, p. 390.

⁷⁸ Ibid., p. 383.

⁷⁹ A. Fabre. Op. cit., p. 15.

⁸⁰ Correspondance, t. I, p. 363.

партия», — писала «Tribune»⁸¹. И вторя ей, Беранже констатировал: «Сильных людей нет почти ни в одной партии. Что касается нашей, то уже несколько лет она кажется мне весьма смешной. Я те поручился бы, что при первой возможности, если бы таковая представилась, не повторились бы те же глупости. Я не поручился бы также, что все нынешнее негодование испарилось бы перед несколькими днями террора»⁸². Проблема размежевания с буржуазными либералами была той основой, на которой одинаково настаивали и Беранже и «Tribune»⁸³.

В оценке создавшейся политической обстановки и тех последствий, к которым мог привести откровенно реакционный курс Полиньяка, Беранже и республиканская газета также были вполне солидарны. Как это ни парадоксально на первый взгляд, они полагали, что в создавшихся условиях существование этого министерства выгодно, так как оно разрушает всякие иллюзии о возможности примирения с Бурбонами.

«С появлением Министерства 8 августа, — писал главный редактор «Tribune» Огюст Фабр, — газета заявила, что она предпочитает это министерство министерству Мартиньяка...»⁸⁴ «Вместо того, чтобы добиваться некоей полуреволюции в кабинете, постараясь, наоборот, сохранить министров, намерения которых никого не могут ввести в заблуждение и которые не могут добиться перемирия ни с либералами, ни с патриотами... Свобода восторжествует скорее с помощью тех, кто хочет ее задушить, нежели тех, кто коварно стремится заткнуть ей рот и заковать в цепи. Если удастся сохранить Полиньяка, де Бурмона, Ла Бурдоннэ еще три-четыре месяца, то возможно, что в конце концов у нас будут те министры и те законы, которых мы желаем»⁸⁵. Такими же мыслями делился со своими друзьями и Беранже: «...Я думаю, что министерство просуществует дольше, чем можно было бы предположить. Быть может, я думаю так потому, что хочу этого... Дай бог! Нация не сможет больше закрывать глаза: глупцы не смогут больше сбивать с толку общественное мнение, честолюбцы из нашего лагеря — извлекать выгоды для себя, и все недовольство, весь гнев послужит нам, или во всяком случае торжеству народного дела. Таковы мои надежды. Я боюсь только, чтобы страх не обуял тех, кто запугивает нас...»⁸⁶ И в другом месте: «Похоже, что рассчитывают на падение кабинета. Я в это еще не верю, быть может, потому, что этого боюсь»⁸⁷.

Также сходятся Беранже и «Tribune» и в оценке избирательной кампании 1830 г. Фабр настаивал в «Tribune» на том, что лучше выдвинуть патриотов, чем таких лиц из 221-го, как Мартиньяк, Руайе-Коллар, Перье, Себастиани...»⁸⁸ Беранже писал Гассикуру: «Что же касается того, что Париж якобы должен иметь депутацию, богато представленную талантами, авторитетами, то... чем больше выбор в наших округах падет на этот раз на людей безвестных, тем больше Париж сможет показать, с какими целями он посылает их в Палату. Избрание знаменитостей было бы менее красноречиво»⁸⁹.

Состоявшиеся 12—19 июля 1830 г. выборы принесли победу антиполиньяковскому блоку. Либеральная оппозиция, получив большинство в Па-

⁸¹ A. Fabre. Op. cit., p. 15.

⁸² Correspondance, t. I, p. 382.

⁸³ См. статьи в «Tribune», «Discussions entre liberaux et les patriotes au sujet des élections», «Des véritables dangers de la Patrie» и другие.

⁸⁴ A. Fabre. Op. cit., p. 3.

⁸⁵ «Tribune», 2 октября 1829 г. Цит по: Ch. Ledré. La presse à l'assaut de la monarchie (1815—1848). Paris, [1960]

⁸⁶ Correspondance, t. I, p. 382.

⁸⁷ Ibid., p. 389.

⁸⁸ A. Fabre. Op. cit., p. LXVIII «Патриотами» «Tribune» называла своих единомышленников. 221 — число депутатов, подписавших адрес-протест, выражающий несогласие с королевской политикой.

⁸⁹ Correspondance, t. I, p. 382.

